

УДК 821.581.312.9
ББК 84(5Кит)-44
Л93

Liu Cixin
BALL LIGHTNING

刘慈欣
球状闪电

Copyright © 2005 by Liu Cixin
Cover Art © 2019 by Stephan Martiniere

Разработка серии *Андрея Саукова, Николая Плутахина*

Лю Цысинь.

Л93 Шаровая молния / Лю Цысинь ; [пер. с англ. С. Саксина].
— Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Sci-Fi Universe. Лучшая
новая НФ).

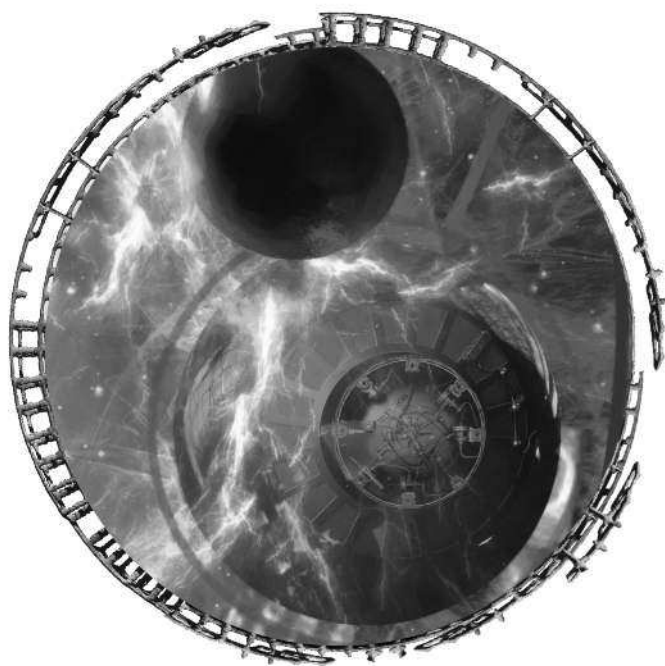
ISBN 978-5-04-101998-3

После трагедии, в детстве лишившей его родителей, доктор Чэнь посвятил свою жизнь разгадке тайны шаровой молнии. Странные феномены, связанные с ней, вынуждают доктора изыскивать все новые способы изучения этого явления. И не он один одержим этой идеей. Дочь генерала, Линь Юнь, тоже пережившая потерю, желает изобрести оружие на основе шаровой молнии. Но их поиски приводят к еще более загадочным событиям и масштабным открытиям, которые дают понять, что человек очень многого не знает о законах физики.

УДК 821.581.312.9
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-101998-3

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Шаровая молния

*Приведенное в этой книге
описание свойств и поведения
шаровой молнии
основано на реальных фактах.*

Прелюдия

Я помнил только, что это был мой день рождения. Мама и папа зажгли свечи на торте, и мы расселись вокруг четырнадцати маленьких язычков пламени.

Гроза в тот вечер была такая, что казалось, будто во всей вселенной не осталось ничего, кроме стремительных вспышек молний и нашей маленькой комнаты. Бело-голубые электрические зигзаги заставляли дождь застыть, превращая его на мгновение в отдельные капли, образующие плотные бусы сверкающего хрусталя, зависшие между небом и землей. Мне пришла в голову мысль: мир стал бы завораживающе прекрасным, если бы это мгновение превратилось в действительность. Можно было бы ходить по улицам, завешенным хрусталем, слушая со всех сторон мелодичный перезвон, вот только в таком утонченном мире молния была бы просто невыносимой... я всегда видел мир другим, не таким, каким его видели все остальные. Я хотел изменить мир: это было единственное, что я знал о себе в том возрасте.

Гроза началась еще днем, ближе к вечеру, и гром и молния все ускоряли свой разбег. Сначала после каждой вспышки мое сознание сохраняло образ эфемерного хрустального мира за окном, пока я в напряжении ждал раскат грома. Но затем молнии стали сверкать так часто, что я уже не мог определить, какой раскат относится к какому зигзагу.

В такую грозу остро осознаешь, каким же драгоценным сокровищем является семья, потому что теплые объятия родного дома становятся просто пьянящими, когда представляешь себе все ужасы мира вокруг. Озаренный вспышками молний, ты сочувствуешь тем бездомным, кто дрожит под струями дождя. И хочется открыть окно, чтобы их души залетели домой, но мир вокруг внушает такой страх, что не хочется впускать в тепло ни дуновения холодного воздуха.

— Да, такова наша жизнь, — вздохнул папа, отпивая большой глоток пива. Затем, пристально посмотрев на скопление огоньков, он добавил: — Такая непредсказуемая, все определяет случай. Все равно что ветка, плывущая по ручью, может зацепиться о камень или попасть в водоворот...

— Он еще слишком маленький, — вмешалась мама. — Он ничего этого не понимает.

— Никакой он не маленький! — решительно возразил папа. — В его возрасте пора узнать правду о жизни!

— Ну а ты ее знаешь, — язвительно рассмеялась мама.

— Знаю. Конечно, знаю! — Осушив полстакана, папа повернулся ко мне: — На самом деле, сынок, вести замечательную жизнь совсем не трудно. Слушайся своего отца. Возьми сложную задачу, мирового масштаба, такую, для которой требуются лист бумаги и карандаш, вроде проблемы Гольдбаха¹ или Великой теоремы Ферма², или вопрос чистой естественной философии, для которого

¹ Проблема Гольдбаха — одна из известных проблем теории чисел; заключается в доказательстве того, что всякое целое число, большее или равное шести, может быть представлено в виде суммы трёх простых чисел. Эту проблему выдвинул в 1742 году русский математик Х. Гольдбах. (Прим. переводчика.)

² Великая теорема Ферма — утверждение французского математика П. Ферма о том, что уравнение $x^n + y^n = z^n$, где n — целое число, большее двух, не имеет решений в целых положительных числах. (Прим. переводчика.)

карандаш и бумага вообще не нужны, например происхождение вселенной, после чего полностью погрузись в исследования. Думай только о том, как сажать и выращивать, а не о том, как пожинать плоды, и если ты абсолютно сосредоточишься, то не успеешь заметить, как пройдет вся жизнь. Вот что подразумевают люди, говоря о том, чтобы остепениться. Или возьми другую крайность, и пусть единственной целью в жизни для тебя будет зарабатывать деньги. Трать все свое время на то, чтобы думать, как заработать деньги, а не как их потратить, когда наконец их заработаешь, до тех пор, пока ты не окажешься на смертном одре, сжимая кучку золотых монет, подобно господину Гранде¹, причитая: «Они меня греют...» Ключ к замечательной жизни — это завораживающая страсть к чему бы то ни было. Возьмем, к примеру, меня... — Папа указал на акварели, лежащие по всей комнате. Они были выполнены в строго традиционном стиле, везде абсолютно правильная композиция, но полное отсутствие жизни. Рисунки мерцающими экранами отражали молнии за окном. — Моя страсть — это живопись, хотя я и сознаю, что никогда не стану Ван Гогом.

— Совершенно верно, — задумчиво произнесла мама. — Идеалисты и циники жалеют друг друга, однако на самом деле и те и другие счастливы.

Обыкновенно полностью поглощенные повседневными заботами, отец и мать превратились в тот вечер в философов, как будто мы отмечали их день рождения.

— Мама, не шевелись!

Я выдернул седой волосок из густой черной маминой шевелюры. Только его кончик был белым. Остальная часть по-прежнему оставалась черной.

Папа поднес волосок к свету и внимательно его изучил. На свету волосок сиял, словно нить накаливания в лампе.

¹ Персонаж повести О. Бальзака «Евгения Гранде», старый скряга. (Прим. переводчика.)

— Насколько мне известно, у твоей матери это самый первый в жизни седой волос. По крайней мере первый, который был замечен.

— Что вы делаете! — воскликнула мама, в отчаянии поправляя прическу. — Выдери один, и вырастут семь новых!

— Вот как? — сказал папа. — Что ж, такова жизнь. — Он указал на свечи на торте. — Предлагаю тебе взять одну свечку и воткнуть ее в песчаный бархан в пустыне. Если не будет ветра, тебе, возможно, удастся ее зажечь. После чего уходи. Что ты почувствуешь, глядя на огонек издалека? Мальчик мой, вот какая она, жизнь, хрупкая и неопределенная, неспособная выдержать дуновение ветра.

Какое-то время мы втроем сидели молча, глядя на скопление огоньков, дрожащих на фоне голубых, словно лед, молний, сверкающих за окном, будто перед нами была какая-то крошечная жизнь, которую мы с таким трудом взрастили.

На улице сверкнула особенно яркая вспышка.

На этот раз молния прошла сквозь стену, появившись подобно духу с холста, изображающего веселье греческих богов. Она была размером с баскетбольный мяч и сияла туманным красным светом. Молния изящно пролетела у нас над головами, оставляя за собой тусклый красноватый след. Ее траектория была случайной, и хвост описывал в воздухе над нами сложную фигуру. В полете молния свистела, низкий звук, пронизанный резким высоким завыванием, порождающий образ призрака, играющего на флейте где-то в безлюдной пустыне.

Мама в страхе вцепилась обеими руками в папу: всю свою жизнь, оглядываясь назад, я испытываю бесконечную тоску, потому что, если бы мама не сделала так, возможно, у меня сейчас оставался в живых хотя бы один из родителей.

Явление парило в воздухе, словно ища что-то, и наконец оно это нашло: молния остановилась, зависнув в полуметре у отца над головой, и ее свист стал громким и прерывистым, подобно горькому смеху.

Я видел внутри прозрачное красное сияние. Оно показалось мне бесконечно глубоким, и из бездонного марева вытекало скопление голубых звезд, подобное галактике, какой ее видит дух, несущийся в пространстве быстрее скорости света.

Впоследствии я узнал, что плотность внутренней энергии шаровой молнии может достигать от двадцати до тридцати тысяч джоулей на кубический сантиметр, по сравнению всего с двумя тысячами джоулей на кубический сантиметр у тринитротолуола. И хотя внутри температура может превышать десять тысяч градусов, поверхность остается холодной.

Отец поднял руку, скорее чтобы защитить голову, а не потрогать незваного пришельца. Казалось, полностью вытянутая его рука приобрела притягивающую силу, которая привлекла к себе молнию подобно тому, как устье листа поглощает капельку росы.

Последовала ослепительная вспышка, сопровождающаяся оглушительным грохотом, — мир вокруг меня взорвался.

То, что я увидел после того, как прошло кратковременное ослепление, останется со мной до конца моей жизни. Словно кто-то переключил графический редактор в режим оттенков серого: тела папы и мамы мгновенно стали черно-белыми. Точнее, серо-белыми, потому что черный цвет был следствием теней от света лампы, играющих в складках и углублениях. Цвет мрамора. Папина рука по-прежнему оставалась поднятой, а мама по-прежнему крепко держала его другую руку обеими руками. Казалось, в двух парах глаз, взиравших с окаменевших лиц этих двух изваяний, оставалась жизнь.

Воздух наполнился каким-то странным ароматом, который, как я выяснил впоследствии, был запахом озона.

— Папа! — воскликнул я.

Ответа не последовало.

— Мама! — снова крикнул я.

Ответа не последовало.

Я приблизился к двум статуям: это был самый жуткий момент в моей жизни. В прошлом все мои страхи были по большей части во снах, и мне удалось избежать психического срыва в мире своих кошмаров, потому что мое подсознание продолжало бодрствовать, крича моему сознанию из укромного уголка: «Это сон!» Но сейчас этому голосу пришлось вопить во всю мочь, чтобы заставить меня приблизиться к родителям. Протянув дрожащую руку, я потрогал тело отца, и в то самое мгновение, когда я прикоснулся к серо-белой поверхности его плеча, мне показалось, будто я проникаю сквозь чрезвычайно тонкую и чрезвычайно хрупкую скорлупу. Я услышал тихий треск, как трескается в мороз стакан, когда в него наливают кипяток. Оба изваяния у меня на глазах рассыпались маленькой лавиной.

На полу образовались две кучки белого пепла — это было все, что осталось от моих родителей.

Деревянные стулья, на которых они сидели, стояли на месте, покрытые слоем пепла. Смахнув его, я увидел совершенно нетронутую поверхность, холодную на ощупь. Я знал, что в печи крематория тело нагревается до двух тысяч градусов на протяжении тридцати минут, чтобы превратиться в пепел. Значит, это был сон.

Озираясь вокруг отсутствующим взглядом, я увидел дым, выходящий из книжного шкафа. За стеклянной дверцей шкаф был заполнен белым дымом. Подойдя

к нему, я открыл дверцу, и дым рассеялся. Примерно треть книг превратились в пепел, того же цвета, как и две кучки на ковре, но на самом шкафу не было никаких следов огня. Это сон.

Увидев струйку пара, выходящего из приоткрытого холодильника, я открыл дверцу и обнаружил, что замороженная курица полностью прожарена и от нее исходит аппетитный запах; креветки и рыба также были приготовлены. Но компрессор тарыхтел как ни в чем не бывало, и сам холодильник не имел никаких следов повреждений. Это сон.

Сам я также чувствовал себя несколько странно. Я расстегнул пиджак, и с моего тела посыпался пепел. Надетый на мне жилет сгорел дотла, но пиджак был цел и невредим — вот почему я ничего не замечал до сих пор. Проверив карманы, я обжег руку о какой-то предмет, оказавшийся моим сотовым телефоном, превратившимся в кусок расплавленной пластмассы. Несомненно, это сон, очень странный сон!

Одеревеневшие ноги привели меня обратно к моему стулу, и хотя с этого места мне не были видны две кучки пепла на ковре за столом, я знал, что они там есть. На улице гроза затихала, и молнии сверкали все реже. Затем и дождь прекратился. Потом сквозь прореху в тучах выглянула луна, бросившая в окно неземной серебристый свет. Я по-прежнему сидел оцепеневший, как в тумане. В сознании моем мир прекратил свое существование, и я плывал в бескрайней пустоте. Как долго так продолжалось, пока меня не разбудили лучи восходящего солнца, упавшие в окно, я не знаю, но, когда я автоматически встал, чтобы идти в школу, мне пришлось собираться с мыслями, чтобы найти свой портфель и открыть дверь, поскольку я по-прежнему тупо смотрел в эту безграничную пустоту...

Неделю спустя, когда рассудок мой в основном вернулся в нормальное состояние, в первую очередь я вспомнил, что это был мой день рождения. В торте должна была торчать только одна свечка — нет, вообще ни одной свечи, потому что в тот вечер жизнь моя началась заново, и я был уже не тем человеком, каким был прежде.

Как сказал в последнее мгновение своей жизни папа, я проникся страстью, и мне хотелось ощутить ту восхитительную жизнь, которую он описывал.

Часть первая